

ПЕКУЛИЙ И ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В РИМСКОМ ПРАВЕ

Выдающийся профессор Римского университета Рикардо Орестано в 1968 г. в своей книге „Проблема юридических лиц в римском праве“¹ писал, что главной ошибкой всех многочисленных исследователей понятия юридического лица является их стремление сформулировать некий единый принцип для того, чтобы объяснить все случаи появления этого понятия. Он призывал изучать юридические лица в определенном историческом контексте, вместо изучения их в качестве абстрактных категорий. Итальянский романист отстаивал ту точку зрения, что объектом исследования проблемы юридических лиц в римском праве являются все ситуации, в которых римская юридическая практика отказывалась принимать во внимание человека как центр отнесения тех или иных юридических отношений, а также все остальные ситуации, в которых были решены проблемы, аналогичные решенным с помощью понятия юридического лица в современных условиях.

После этого представляется естественной потребность определить вышеупомянутые проблемы в современном мире и поискать формы их решения в мире римском. По нашему мнению, основными причинами появления категории юридического лица в любом обществе являются причины коммерческого характера. Это, с одной стороны, стремление предпринимателя ограничить свой коммерческий риск путем отделения части своего имущества и отнесения его принадлежности некоему воображаемому субъекту. Эта интеллектуальная операция позволяет ограничиться в рискованном коммерческом предприятии возможной потерей только той части своего имущества, которая была вложена в это дело. С другой стороны, оказалось, что форма юридического лица в коммерческом праве создает стабильность предприятия, которая должна демонстрироваться для того, чтобы вызвать доверие лиц, действующих на рынке. Таким образом, юридическое лицо в общем представляет собой правовой режим управления имуществом в процессе коммерческого оборота. Все остальные цели могут быть достигнуты без использования конструкции юридического лица, средствами публичного права.

Однако, обсуждая позицию, занятую в римском праве категорией юридического лица, романисты, как правило, уделяют внимание тем образованиям, для которых коммерческая деятельность не составляет их фундаментальной особенности. Например, в 2000 г. в Москве была переиздана замечательная книга выда-

¹ *Orestano R. Il „problema delle persone giuridiche“ in diritto romano. Torino, 1968.*

ющего российского дореволюционного романиста Николая Суворова под заглавием „Об юридических лицах по римскому праву“. Эта книга содержит не только внушительный свод конкретной информации, но также и замечательный аналитический комментарий. Однако бросается в глаза, что содержащиеся в комментарии теоретические построения иллюстрируются примерами, связанными с институтами типа *collegia sodalicia*, *collegia funeraticia*, *municipia*, *fiscus*, *hereditas jacens* и другими такого же рода. В этом Н. Суворов не одинок. В частности, Рикардо Орестано в вышеупомянутой работе также уделил львиную долю своего внимания образованиям, сформированным в основном для достижения некоммерческих целей.

Есть две причины такого странного смещения фокуса внимания. Первая состоит в том, что романисты следуют примеру римских юристов, которые также оперировали конструкцией юридического лица в тех случаях, когда речь шла об образованиях вышеперечисленных и тех, которые типологически с ними схожи. Второй причиной является идея, что экономическая жизнь античного мира была слишком примитивна для того, чтобы нуждаться в какой-либо развитой системе юридических лиц в коммерческой сфере.

Создается впечатление, что, если категория юридического лица и сыграла какую-то важную роль в римском праве, то она выполнила социальную функцию отличную от той, которую она выполняет в современном мире. Однако, по нашему мнению, если юридическое лицо не используется как инструмент юридической техники в контексте управления экономическими отношениями, то будет невозможно объяснить причину его появления на исторической сцене. Оно может появиться только на базе интенсивной коммерческой жизни как форма ее регулирования и развития.

Однако общим мнением является то, что античный мир не имел развитой и сложноорганизованной экономики. Кажется, что это представление утвердилось благодаря авторитету известного немецкого социолога Макса Вебера, который, с одной стороны, настаивал на том, что коммерческое право Европы коренится не в римском праве, а целиком и полностью в собственном самобытном праве средневековых городов, и, с другой стороны, отрицал важность рыночных отношений в экономике классической древности².

Вместе с тем следует отметить, что Макс Вебер не был самостоятельным исследователем античности, и в этих своих обобщениях базировался на трудах других ученых, в особенности, судя по всему, на концепции истории мировой экономики немецкого экономиста Родбертуса и его продолжателя Карла Бюхера³.

Другой крупный исследователь происхождения европейского капитализма, известный французский историк Фернан Бродель в своей великой книге „Мате-

² См.: Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001; он же. Социальные причины падения античной культуры // Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 447–465; он же. Аграрная история древнего мира. М., 1923.

³ См.: Родбертус. Исследования в области национальной экономики классической древности, Ярославль. 1880; Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. 3-е изд. 1918.

риальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.⁴ также начал писать историю современного капитализма со времен Средневековья сделав, впрочем, оговорку, что он поступил таким образом просто потому, что не обладал знанием реалий античного мира.

По нашему мнению, тезисы о примитивности экономической структуры и об отсутствии рыночных отношений и институциональных образований для их обслуживания в обществе классической античности являются большим идеологическим предубеждением. Они являются продуктом теории прогресса, согласно которой история всех вещей развивается от простого к сложному.

Следует помнить, что многие историки предоставляли доказательства того, что коммерческие отношения в античном мире были столь же сложны, как в обществе индустриального капитализма. Среди них можно назвать имена Т. Моммзена, Э. Мейера, М. Ростовцева, Г. Сальвиоли, Г. Ферреро⁵ и других известных исследователей. Все они прямо говорили об античном *капитализме*. Например, Г. Сальвиоли свою книгу, посвященную истории античной экономики, так и назвал: „Античный капитализм“⁶.

Возникает вопрос, можем ли мы найти в классическом римском праве аналог коммерческого предприятия современного типа? Мы считаем, что в контексте обсуждаемой темы надо обратить внимание на институт пекулия. По нашему мнению, этот институт не привлекает внимания романистов в той степени, как он того заслуживает. Примечательно, например, что в курсе римского права классика итальянской романистики Ч. Санфилиппо пекулий упоминается всего 2 раза⁷. Между тем его историческая эволюция и его правовой режим в классический период позволяют ставить вопрос о восприятии пекулием признаков юридического лица.

Известно, что названием *peculium* обозначалось имущество, приобретенное рабом или *persona alieni juris* в свободное управление. Это древний институт, появившийся до Законов XII таблиц. Согласно выводам польского романиста И. Зебера, этимология слова *peculium* позволяет заключить, что вначале объектом пекулия было определенное число голов скота, переданное в распоряжение раба-пастуха⁸. Такая ситуация была описана в комедиях Плавта. Все отношения, связанные с пекулием, решались по обычному праву. Конечно, с точки зрения объекти-

⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1–3. М., 1986–1992.

⁵ См.: Моммзен Т. История Рима. Т. 1–3; 5. СПб., 1994–95 (1-е нем. изд. – 1854-56; 1885); Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира. 1910; Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т. 1–2. СПб., 2000 (1-е изд. – Rostovtzeff M. The Social and Economic history of the Roman Empire. Oxford, 1926); Salvioli G. Il capitalismo antico (storia dell'economia romana). Bari, 1929; Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1–5. М., 1915–1923 (1-е ит. изд. – 1902–1907).

⁶ См. цит. соч. Впрочем, первое издание этой книги, с которого был выполнен русский перевод, несет еще на себе отпечаток примитивизации античной экономики, и лишь во втором издании автор склоняется к положениям, высказанным Эд. Мейером.

⁷ См.: Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М., 2000. С. 115, 130.

⁸ См.: Zeber I. A study of the peculium of a slave in preclassical and classical Roman Law. Wrocław. 1981. P. 38.

вного права учреждение пекулия ничего не значило, поскольку отношения раба и господина не касались никого за пределами *familia*.

Но ситуация изменилась после карфагенских войн, когда патриархальная экономика начала становиться рыночной. С одной стороны, самостоятельность раба в управлении пекулием создавала предпосылки вступления в юридические отношения с ним третьих лиц. С другой стороны, в этом была объективная жизненная потребность, поскольку теперь объектом пекулия становились вещи значительные и разнообразные, а не только скот. Хотя в Дигестах говорится, что: „пекулий понимается как небольшие деньги либо небольшое имущество“⁹, однако там же в другом месте мы читаем: „в состав пекулия могут входить все вещи – и движимые, и земля. Также раб может иметь в составе пекулия помощников раба и пекулий этих помощников и, сверх того, обязательства должника“¹⁰. Согласно наблюдению И. Зебера, если в Дигестах среди немногочисленных сведений, относящихся к пекулию, упомянуты два раза земля и здание, это означает, что случаи передачи в качестве пекулия таких объектов не были исключением¹¹. Кроме того, мы имеем в Дигестах упоминание о предоставлении в качестве пекулия торговой лавки (*taberna* – D. 15, 1, 47 pr.) и о вложении имущества пекулия в торговое предприятие¹².

Возрастание экономической важности пекулия как обособленного имущественного комплекса вызвало необходимость правового регулирования новых отношений. По этой причине в первой половине I в. до н. э. пекулий был преобразован преторским эдиктом из института социальной практики в институт юридический¹³. Учредительным актом для пекулия был так называемый *permissus domini*, который означал предоставление части имущества господина в пекулий, и также разрешение рабу действовать в качестве управляющего пекулием для его приумножения.

В пределах пекулия, после осуществления акта *permissus domini*, раб был полновластным хозяином, поскольку согласие господина на все акты раба, управляющего пекулием, предполагалось. Кроме того, он мог даже учреждать другие пекулии как аффилированные структуры своего пекулия. Управляющие этих пекулиев также были самостоятельными распорядителями и назывались *vicarii*. Другим необходимым для существования пекулия элементом был отдельный учет его имущества, который должен был быть отражен в финансовой документации домовладыки. Кроме того, все отношения между патримонием домовладыки и пекулием, им учрежденным, также принимались во внимание объективным правом как юридические обязательства. В частности, в случае обращения взыскания на

⁹ D. 15, 1, 5, 3: „peculium dictum est quasi pusilla pecunia sive patrimonium pusillum“.

¹⁰ D. 15, 1, 7, 4: „In peculio autem res esse possunt omnes et mobiles et soli: vicarios quoque in peculium potest habere et vicariorum peculium: hoc amplius et nomina debitorum“.

¹¹ См.: Zeber I. Op. cit. P. 42.

¹² D. 15, 1, 27 pr.: „si peculiari merce sciente patre dominove negotientur“.

¹³ См.: Zeber I. Op. cit. P. 19–24.

имущество, входящее в состав пекулия, ему подлежало имущество за вычетом всех долгов домовладыке, то есть его личной собственности, не вложенной в пекулий¹⁴.

Является распространенной точка зрения, согласно которой пекулий фактически был собственностью раба. Это мнение базируется на том, что раб был свободен в определении судьбы имущества пекулия и мог использовать его для уплаты за свое освобождение из рабства.

Но обращает на себя внимание тот факт, что пекулий значил не то же самое, что и личность раба. В доказательство этого можно указать на то, что были возможны юридические отношения с пекулием как центром отнесения и без раба, в частности после его смерти. Помпоний в 4-й книге „Комментариев“ к Квинту Муцию писал: „Понятием пекулия иногда следует пользоваться, даже если раб закончил свое существование в мире вещей, и претор предоставляет годичный иск о пекулии. Ведь тогда и прирост, и убыль должны считаться как бы принадлежащими пекулию (хотя со смертью раба или с его освобождением пекулий уже перестал существовать), чтобы можно было ему прирастать как пекулию за счет плодов, или приплода скота, или потомства рабынь или убывать, как, например, если бы пало животное или он пришел бы в упадок каким бы то ни было другим способом“¹⁵.

В дополнение к сказанному надо также отметить, что в формальном смысле обязательства между рабом и господином были невозможны, поскольку раб рассматривался не как лицо, а как вещь. Римские юристы понимали противоречивость этой конструкции. Мы находим в Дигестах следующее замечание Ульпиана: „Ни на рабе не может лежать какой-либо долг, ни в отношении раба нельзя быть должником; но когда мы неточно употребляем такое слово (долг), то мы скорее описываем фактическое положение, чем относим обязательство к области гражданского права. Таким образом, то, что является долгом рабу, господин правильно требует от посторонних; если раб должен сам, то в силу этого дается иск на пекулий“¹⁶.

Таким образом, приписывание субъективного права или обязательства лично рабу в качестве управляющего пекулием означало его приписывание абстрактной личности, отличной от физического лица.

В то же время пекулий не сводим к той совокупности вещей, из которых он состоит. По этому поводу в Дигестах содержится следующее важное замечание: „Если в силу долгов господина пекулий раба исчерпан, то все же сохраняется отношение

¹⁴ D. 15, 1, 5, 4: „*Peculium autem Tubero quidem sic definit, ut Celsus libro sexto digestorum refert, quod servus domini permissu separatim a rationibus dominicis habet, deducto inde si quid domino debetur*“. – „Как сообщает Цельс в 6-й книге дигест, Туберон определяет пекулий как нечто такое, что раб с позволения господина имеет отдельно от господских счетов с вычетом того, что является предметом долга господину“.

¹⁵ D. 15, 2, 3: „*Definitione peculii interdum utendum est etiam, si servus in rerum natura esse desiit et actionem praetor de peculio intra annum dat: nam et tunc et accessionem et decessionem quasi peculii recipiendam (quamquam iam desiit morte servi vel manumissione esse peculium), ut possit ei accedere ut peculio fructibus vel pecorum fetu ancillarumque partibus et decedere, veluti si mortuum sit animal vel alio quolibet modo perierit*“.

¹⁶ Ulp. 43 ad Sab., D. 15, 1, 41: „*Nec servus quicquam debere potest nec servo potest deberi, sed cum eo verbo abutimur, factum magis demonstramus quam ad jus civile referimus obligationem. Itaque quod servo debetur, ab extraneis dominus recte petet, quod servus ipse debet, eo nomine in peculium et, si quid inde in rem domini versum est, in dominum actio datur*“.

пекулия: ибо если господин дарует рабу долг или другой человек вносит имущество за счет раба, то пекулий пополняется и нет необходимости в новом предоставлении господином пекулия¹⁷.

Таким образом, пекулий обладает многими чертами юридического лица. Его имущество отделено от собственного имущества учредителя пекулия. Этот учредитель может ликвидировать пекулий по своему желанию, но до этого времени возможны обязательственные отношения между домовладыкой и пекулием как между двумя различными лицами. Отнесение обязательств пекулия к рабу лично было обычным способом осознать факт олицетворения пекулия как обособленного имущественного комплекса.

Личностный характер пекулия осознавался и самими римлянами. Так, юрист Марциан писал: „Пекулий рождается, растет, уменьшается, умирает и, как остроумно говорил Папирий Фронтон, пекулий поэтому подобен человеку¹⁸“.

Третьи лица взаимодействуют с рабом в качестве распорядителя пекулия, но *de jure* они совершают юридические действия с рабом, а *de facto* – с пекулием как юридическим лицом, поскольку ответственность по сделкам этого типа ограничена размерами имущества, входящего в состав пекулия. Действительно, существование пекулия не связано всецело с физической жизнью раба. Пекулий начинает и заканчивает свое существование, следуя специальной процедуре. Раб, управляющий пекулием, играет роль органа юридического лица.

Эта конструкция пекулия дает основание для проведения параллели между нею и конструкцией акционерного общества со 100 % государственным участием, учреждение которого было допущено в современном российском праве. Отечественная цивилистическая доктрина признала, что акционерное общество является субъектом права собственности само по себе. Эта фикция позволяет ограничить ответственность государства как учредителя по долгам юридического лица активами последнего¹⁹.

Действительно, сходные цели порождают однотипные юридические конструкции для решения одинаковых проблем. Таким образом, исследование пекулия с точки зрения конструкции юридического лица позволяет сделать вывод, что он ей соответствует в своих основных чертах. Это заключение объясняет отсутствие в римском праве хорошо разработанного типа юридического лица как образования, всецело занятого коммерческой деятельностью. Цели ограничения риска в деловом обороте могли быть достигнуты учреждением пекулия. Следовательно, опыт отношений между пекулием, домовладыкой и третьими лицами в римском праве и в наши дни будет иметь не только историческое значение.

¹⁷ Pomp. 7 ad Sab., D. 15, 4, 5: „Si aere alieno dominico exhauriatur peculium servi, res tamen in causa peculiaris manent: nam si aut servo donasset debitum dominus, aut nomine servi alius domino intulisset, peculium suppletur nec est nova concessione domini opus“.

¹⁸ D. 15, 1, 40: „Peculium nascitur crescit decrescit moritur, et ideo eleganter Papirius Fronto dicebat peculium simile esse homini“.

¹⁹ Толстой Ю. К. К разработке теории юридического лица на современном этапе // Проблемы современного гражданского права: Сб. статей. М., 2000. С. 94.